

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

АНДИЖАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ З.М.БАБУРА

Кафедра филологии

на правах рукописи

Пулатова Севара

**«Композиционное мастерство А.С.Пушкина в прозе (на
материале «Капитанской дочки»)»**

Выпускная квалификационная работа

написана для получения академической степени бакалавра по направлению
5142200 – «Русский язык и литература в иноязычных группах»

Научный руководитель:
д.ф.н. Юлдашев Н.Б.

Андижан - 2014

Оглавление

Общая характеристика работы. Введение	3
Глава I. Так готовился план «Капитанской дочки».....	16
Глава II. Приемы композиционной организации в романе.....	
Заключение	46
Библиография.....	49

Введение

Латинское слово «compositio» означает «расстановка», «составление». Нередко вместо понятия «композиция» употребляют слово «архитектоника». художник слова подобно архитектору выработывает проект будущего произведения. Таковы многочисленные планы замыслов А.С.Пушкина, Л.Н.Толстого... Но в отличие от архитектора писатель сам является и строителем. По ходу творческой работы он может менять композиционный план.

Пушкиноведа, литературоведа справедливо пишут о ведущих принципах пушкинского мастерства – краткости, ясности, простоте. Однако за этими краткостью, ясностью, простотой следует видеть напряженнейший труд художника.

В свое время Л.Н.Толстой говорил: «Чем ярче вдохновение, тем больше должно быть кропотливой работы для исполнения. Мы читаем Пушкина, стихи такие гладкие, такие простые, и нам кажется, что у него так и вылилось это в такую форму. А нам не видно, сколько он употребил труда для того, чтобы вышло так просто и гладко»¹.

Труд», «работа», «работник» - любимые слова Пушкина. Они часто встречаются в его произведениях. Критерий труда для него был той мерой, которая определила оценку им человека.

Петр Великий был в глазах Пушкина именно потому и велик, что он «на троне вечный был работник».

Весьма красноречиво обращение Пушкина к сосланным в Сибирь декабристам:

Не пропадет ваш скорбный труд...

Труд не пропадет. Отсутствие труда делает жизнь бесплодной, делает человека «лишним». Вот что писал поэт об Онегине:

Дожив без цели, без трудов

До двадцати шести годов,

Томясь в бездействии досуга

Без службы, без жены, без дел,

¹ Цит. По: Благой Д. От Кантемира до наших дней. В 2-х т., т.2. – М.: Худ.лит-ра, 1973. – с.15.

Ничем заняться не умел.

(подчеркнуто мной – С.П.)

Далее:

Хотел писать – но труд упорный

Ему был тошен; ничего

Не вышло из пера его.

(подчёркнуто нами - С.П.)

«Упорный труд» является совершенно обязательным условием для писателя. В труде заключена и высокая радость, он уже сам зпо себе является для истинного писателя благородной наградой:

... Тайный труд

Тебе награда; им ты дышишь... («Езерский»)

Д.Благой называет Пушкина гением-тружеником². Поэт упорно работал над планом, композицией произведения.

«Пушкин неизменно считал, что только наличие предварительного, четко осознанного, строго продуманного и твердо осуществляемого плана – своего рода архитектурного проекта будущего здания – способно обеспечить какому бы то ни было произведению искусства слова ... подлинную и совершенную художественность»³.

К числу существенных недостатков творчества Байрона Пушкин относил композиционную неоформленность его произведений. И, напротив, Пушкин восхищался композиционным мастерством Данте в его «Божественной комедии».

В 1822 году Пушкиным была написана заметка «О прозе», в которой он подвергал критике метафорическую прозу: «Но что сказать об наших писателях, которые почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу

² Благой Д. Указ. соч., с.15.

³ Благой Д. Указ. соч., с.24.

дополнениями и вялыми метафорами. Эти люди никогда не скажут дружба, не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать: рано поутру – а они пишут: Едва первые лучи восходящего солнца – ах как это все ново и свежо – разве оно лучше потому только, что длиннее».

Косвенное описание предмета вместо его прямого названия, излишняя метафоризация, длинноты оказываются объектом нападок Пушкина. Стройность, симметричность частей целого, простота, точность и краткость – вот достоинства прозы, по Пушкину.

Разработанная Пушкиным теория прозы предопределила его практику, отчетливо проявилась и в композиции его произведений. Наиболее полно, ярко пушкинские принципы построения прозаического произведения проявились в «Капитанской дочке». Явившись итоговым прозаическим сочинением Пушкина «Капитанская дочка» вобрала в себя все то, что определяло индивидуальный облик его прозы.

Изучение архитектоники сочинений А.С.Пушкина, богатой технологии его мастерства, несомненно, будет способствовать глубокому познанию идейно-художественного своеобразия произведений.

Сказанным выше объясняется актуальность темы нашей выпускной квалификационной работы.

В работе мы ставим перед собой цель рассмотреть композицию последнего завершённого произведения Пушкина – исторического романа «Капитанская дочка», её функции в раскрытии идейного содержания произведения.

Композиция – явление многоаспектное. Все компоненты произведения (метаструктуры) каким-то образом строятся: (образы персонажей, описания природы, портреты..., их расположение...). Охватить все аспекты композиции «Капитанской дочки» в рамках одной выпускной квалификационной работы не представляется возможным.

Конкретные задачи работы связаны с:

- в рассмотрением общих композиционных принципов Пушкина;
- изучением композиции сюжета произведения;
- показом симметричности композиции образов в романе;

- показом пушкинского лаконизма в раскрытии характеров центральных персонажей.

Степень изученности темы.

Творчество А.С.Пушкина сделалось предметом изучения и анализа уже его современниками, находилось в центре внимания литературоведов XIX, XX веков, продолжает привлекать внимание исследователей и в XXI веке. В частности, «Капитанской дочке» посвящены работы В.Г.Белинского, Д.Д.Благого, Б.В.Томашевского, Ю.М.Лотмана, Е.Н.Купреяновой, Г.А.Гуковского, Н.Л. Степанова, Л.С.Сидякова, Ю.Г.Оксмана и др. (см. «Библиографию»). Интересующий нас вопрос о композиции «Капитанской дочки» находится в центре внимания Д.Благого, Ю.Лотмана.

При написании выпускного квалификационного сочинения мы опирались на работы названных литературоведов. Они наряду с трудами Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова составили **методологическую основу** нашей выпускной квалификационной работы.

Произведения русской классической литературы, поднимавшие общечеловеческие вопросы, к которым, безусловно относятся и сочинения Пушкина, не потеряла своего значения и сегодня. Они полностью отвечают потребностям и задачам сегодняшнего дня.

Роман «Капитанская дочка» наряду с другими сочинениями Пушкина – объект нашей работы включен в школьные программы и в Республике Узбекистан.

Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов писал: «перед нами стоит задача сформировать духовность свободного гражданина, личности, иначе говоря, воспитать свободных, всесторонне развитых людей, которые хорошо знают свои права, опираются на свои силы и способности, имеют самостоятельный взгляд на происходящее вокруг них, и, вместе с тем, гармонично сочетают свои личные интересы с интересами страны и народа»⁴.

В выполнении задач, поставленных самим ходом исторического развития общества, Президентом Республики, большую роль призвана сыграть система образования. Литература занимает особое место в ряду школьных дисциплин. Литературное образование в школе должно быть направлено на формирование у

⁴ Каримов И.А Узбекистан, устремлённый в XXI век.–Т.: Узбекистан, 1999.– с.16.

учащихся эмоционально-ценностного отношения к миру, духовное обогащение, становление их личности, формирование у них нравственных ориентиров.

Материалы данной выпускной квалификационной работы, безусловно, пригодятся в нашей будущей педагогической деятельности. Они могут представлять интерес для всех учителей словесности. Они могут быть использованы на занятиях литературоведческого кружка, а также при проведении мероприятий духовно-просветительского характера. Сказанное, думается, свидетельствует о **практической значимости** нашей выпускной квалификационной работы.

Цель и задачи работы определили её **структуру**. Состоит она из «Введения», двух глав, «Заключения» и «Библиографии». Первая глава посвящена общим вопросам композиционного мастерства Пушкина. Вторая - приёмам композиционной организации «Капитанской дочки». В «Заключении» подводятся итоги наших наблюдений над романом в аспекте темы работы. «Библиография» охватывает методологическую, художественную, научно-критическую литературу, использованную нами при написании выпускной квалификационной работы.

Глава I

Так готовился план «Капитанской дочки»

Во второй половине 20-х годов и в 1830-е годы А.С.Пушкин напряженно работал над прозаическими произведениями. В этот период им созданы «Повести Белкина», «История села Горюхина», «Дубровский», «Пиковая дама», «Египетские ночи», «Путешествие в Арзрум», и, наконец, «Капитанская дочка».

«Капитанская дочка» - небольшой по объему роман (около пяти печатных листов). Но написание этих пяти листов потребовало от Пушкина большой, трудоемкой и длительной работы продолжавшейся в общей сложности около четырех лет.

Роман задуман в январе 1833 года, писался в 1833-1834 годах, последние строки написаны 19 октября 1836 года.

Основное историческое событие романа – крупнейшее в истории всех русских крестьянских восстаний восстание второй половины XVIII века под предводительством Емельяна Пугачева. Оно до Пушкина было изучено крайне недостаточно. И то, что имелось об этом восстании в литературе, носило тенденциозный, реакционно-дворянский характер.

Для написания романа о восстании Пушкин решает сам непосредственно освоить и подготовить необходимый исторический материал. Он производит специальные архивные разыскания, собирает и изучает рукописные материалы, обращается к очевидцам-современникам (И.А.Крылов, мальчиком переживший осаду Оренбурга Пугачевым; И.И.Дмитриев, присутствовавший при казни Пугачева). Пушкин предпринимает специальную поездку на места исторического события, собирает фольклор о Пугачеве, встречается со стариками...

Для того чтобы создать художественное произведение из эпохи Пугачева, писатель-художник Пушкин становится историком-исследователем. Он принимается за написание специального труда по истории Пугачева.

Необходимо было строить произведение так, чтобы оно было и правдивым и, в то же время, цензурно приемлемым, и чтобы было обеспечено органическое композиционное единство.

7 февраля 1833 года Пушкин обратился к военному министру графу

А.И.Чернышеву с просьбой предоставить ему возможность ознакомиться с рядом документов, необходимых для работы над «историей графа Суворова». Дело в том, что Суворов принимал участие в подавлении пугачёвского восстания.

8 февраля 1833 в письме на имя того же Чернышева Пушкин благодарит его за внимание к его просьбе и перечисляет материалы, которыми хотел бы пользоваться:

1. Следственное дело о Пугачеве
2. Донесения графа Суворова во время кампании 1794 года.
3. Донесения его 1799 года.
4. Приказы его к войскам⁵.

Упоминание истории Суворова, конечно, было маскировкой. Однако Пушкин не получил разрешения ознакомиться со следственным делом Пугачева.

Пушкин углубляется в изучение источников, подымая все доступные ему материалы. Собирает он и устные сведения, предпринимает поездку по местам, где протекали события, о которых намеревался художник писать.

В конце 1834 года появляется в свет исторический труд Пушкина «История Пугачёва». По настоянию Николая I, ознакомившегося с рукописью и согласившегося на её опубликование, заглавие её было изменено – «История Пугачёвского бунта».

Только после издания «Истории Пугачёва» Пушкин вплотную принимается за роман «Капитанская дочка».

И в историческом труде и в романе Пушкин показывает грандиозные масштабы восстания. В нем, помимо казаков, принимали участие крепостные крестьяне, горнозаводские рабочие, угнетенные народности Поволжья – каракалпаки, башкиры, татары, кипчаки, казахи, калмыки, киргизы...

Секрет успеха пугачёвского движения заключался для Пушкина не только в личности Пугачёва; главное в том, что он опирался на народную поддержку, выручавшую его в самые критические моменты. Пушкин и в историческом труде и в «Капитанской дочке» изображает Пугачева в постоянном народном окружении. Это

⁵ Пушкин А.С. Полн.собр.соч. в 10-т., т.10 (Письмо). Изд. 2-е. – М.: Изд.АН СССР, 1958. – с.426.

важнейший принцип построения образа народного вождя проходит через весь роман. Запомним: из народных преданий вырисовывался речевой портрет Пугачёва – «играть словами», «изъясняться, по своему обыкновению, иносказательно... Достаточно вспомнить рассказанную им калмыцкую сказку об орле и вороне.

Широко известны слова Л.Толстого из его трактата «Что такое искусство»: «В настоящем художественном произведении – стихотворении, драме, картине, песне, симфонии – нельзя вынуть один стих, одну сцену, одну фигуру, один такт из своего места и поставить в другое, не нарушив значение всего произведения, точно так же, как нельзя не нарушить жизни органического существа, если вынуть один орган из своего места и вставить в другое».

Еще задолго до Толстого Пушкин подчеркивал «Любить размеренность, соотнесенность свойственно уму человеческому», «соразмерность, ответственность (simetria) свойственна уму человеческому...истинный вкус состоит ... в чувстве соразмерности и сообразности»⁶.

Первоначально Пушкин собирался написать роман об одном из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших к пугачёвцам. По ходу работы над произведением многое менялось.

Цензору П.А.Корсакову 25 октября 1836 года Пушкин писал: «Спешу отвечать на вопросы, Ваши. Имя девицы Мироновой вымышлено. Роман мой основан на предании, некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших в шайки пугачёвские, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги. Роман, как изволите видеть, ушёл далеко от истины»⁷.

Офицер, о котором собирался писать Пушкин – И.А.Шванвич, попавший в плен к Пугачёву, помилованный им и поступивший к нему на службу. Сведения о Шванвиче, которые Пушкин получил из разных источников, чрезвычайно заинтересовали его. Они

⁶ Цит. по: Благой Д.Д. Указ.соч., с.90-91.

⁷ Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти т. Т.Х.Письма. – М.: АН СССР, 1958. – с. 599.

давали возможность поставить вопрос о сотрудничестве дворянина с крестьянским движением.

Пушкин неоднократно менял планы романа. Менялась и фамилия Шванвича – Башарин, Швабрин.

Замысел исторического романа претерпел в процессе его эволюции довольно существенные изменения. Появление наряду с Гринёвым и Швабрина свидетельствует о том, что первоначальное ядро замысла (история дворянина - пугачёвца) Пушкин хотел сохранить, придав, однако, этому образу совершенно иную функцию.

В литературоведении имеются самые противоречивые истолкования знаменитых слов Пушкина о бессмысленности «русского бунта». «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный «беспощадный»⁸. Ю.Г.Оксман считал их своеобразной данью цензурным условиям⁹. Крупнейший пушкиновед Б.В.Томашевский в работе «Историзм Пушкина» писал: «В существовавшей тогда обстановке Пушкин не находил той культурной силы, которая могла бы явиться союзником и возглавить крестьянское восстание. А без этого возглавления крестьянское восстание могло бы вылиться только в стихийные, разрушительное движение. Отсюда родилась формула: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный.» Формула эта, хотя и произнесённая от имени Гринёва, выражает собственное отношение Пушкина к стихийному крестьянскому восстанию... Что же касается до взглядов Гринёва как героя романа на Пугачёва и крестьянское движение, то Пушкин отлично охарактеризовал их в других, более чётких словах и в самом ходе действия. Если он сохранил эту фразу, то потому, что она отвечала собственной системе взглядов Пушкина на крестьянскую революцию. За этой фразой не кроются ни презрение к русскому крепостному крестьянству, ни неверие в силы народа, ни какие бы то ни было охранительные мысли. Эта фраза лишь выражает, что Пушкин не верил в окончательную победу крестьянской революции в тех условиях, в которых он жил»¹⁰.

⁸ Пушкин А.С. Собр. соч. в 3-х т., т.3. с.312.

⁹ См. об этом: Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. – М.: Просвещение, 1988. – с.108.

¹⁰ Томашевский Б.В. Пушкин. Работы разных лет. – М.: Книга, 1990. – с. 167.

В 1830-х годах Пушкин пришёл к выводу, что «выгоды» дворян и крестьян являются «противуположными». В основе поведения людей лежат «интересы». Это позволяет Пушкину объединить всех дворян в один общий с правительством лагерь, противопоставленный «черному народу». Это в свою очередь наложило отпечаток на всю идейно-художественную структуру романа.

Общество разделено на две противопоставленные, борющиеся силы. Пушкин понял, что причина подобного раскола лежит в глубоких социальных процессах. У каждой стороны есть своя исторически и социально обоснованная «правда», которая исключает для неё возможность понять резоны противоположного лагеря.

Пушкин знал о крайних жестокостях обеих сторон. Еще в 1831 году, 3 августа он писал 3 августа писал П.А.Вяземский: «... нам покамест не до смеха: ты, верно, слышал о возмущениях новгородских и Старой Руси. Ужасы. Более ста человек генералов, полковников и офицеров перерезаны в новгородских поселениях со всеми утончениями злобы. Бунтовщики их секли, били по щекам, издевались над ними, разграбили дома, изнасиловали жён... Государь приехал... действовал смело, даже дерзко; разругав убийц, он объявил прямо, что не может их простить, и требовал выдачи зачинщиков... Но бунт Старо-Русский ещё не прекращен. Военные чиновники не смеют ещё показаться на улице. Там четверили одного генерала, зарывали живых и проч. Действовали мужики, которым полки выдали своих начальников. – Плохо ваше сиятельство».

Сторонниками правительства учинялись не менее жестокие, кровавые расправы. Пушкин писал для своего цензора Николая I «Замечания о бунте». В них он сообщал: «Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений!» Пушкин цитировал также из книги Рычкова: «Остальных человек до тысячи простили, отрезав им носы и уши»¹¹. В «Капитанской дочке» - башкирец с отрезанным носом (он вешает капитана Миронова).

Крайняя жестокость обеих сторон проистекала не от кровожадности тех или иных лиц, а от столкновения непримиримых социальных концепций: добрый капитан Миронов прибегает к пытке, а добрые крестьяне готовы повесить невинного Гринева, не испытывая к нему личной вражды.

¹¹ Лотман Ю.М. Указ. соч., с. 114

Невозможность примирения враждующих сторон и неизбежность кровавой гражданской войны показана Пушкиным во всем своем роковом трагизме.

«Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучше и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений»¹².

Глава II

Приёмы композиционной организации в романе

В «Капитанской дочке» Пушкин применил скоттовский принцип раскрытия личных судеб на фоне бурных исторических событий. Он будет продолжен и развит впоследствии многими мастерами слова, особенно Л.Н.Толстым в эпопее «Война и мир».

В романе Пушкина тесно переплетены события Пугачёвского восстания и история любви Маши Мироновой и Петра Гринёва. События частной жизни и события истории не противостоят друг другу, а органически соединяются.

Строение сюжетных линий

Повествование в романе ведётся от первого лица, от имени Гринёва. У него положение в романе сюжетное. Он не только свидетель, но и непосредственный участник событий. Действия описываются в хронологической последовательности.

Роман состоит из 14 глав. До десятой главы действие подчинено углублению конфликта между дворянским и крестьянским мирами. Герой, призванный воспитанием, присягой и собственными интересами стоять на стороне дворянского государства, убеждён в справедливости его законов. Нравственные и юридические нормы его среды

¹² Пушкин А.С. Капитанская дочка// Пушкин А.С. Соч.в 3-х т., т.3. Проза. – М.: Худ.лит-ра, 1987. – с.270. И далее цитаты из романа приводятся по этому изданию, в скобках указываются страницы.

совпадают с его стремлениями как человека. Но опасность, грозящая Маше Мироновой, заставляет Гринёва предпринять совершенно неожиданный для дворянина и офицера шаг.

Герой выходит из сферы действия дворянских законов и обращается за помощью к мужицкому царю. Однако в стане восставших действуют свои законы и нормативные политические идеи, которые столь же равнодушны к человеческой трагедии Гринёва. Более того, как дворянин, Гринёв враждебен восставшим, и законы восстания, политические интересы крестьян требуют не оказывать ему помощь, а уничтожить его. Подобное действие вытекало бы не из жестокости того или иного лица, а из автоматического применения общего закона к частному случаю. Желая остаться дворянином и получить помощь от Пугачёва, Гринёв явно непоследователен. На это тотчас же указывает сподвижник Пугачёва Белобородов: «Не худо и господина офицера допросить порядком: зачем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признаёт, так нечего у тебя управы искать, а коли признаёт, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге. С твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его в приказную, да запалить там огоньку: мне сдаётся, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров» (298). Совет этот не выпадает в его авторе какой – либо особой жестокости: пытка в XVIII веке входила в нормальную практику дворянского государства. Что касается до сущности недоверия Белобородова к Гринёву, то оно вполне оправдывается сословными интересами восставших крестьян. Белобородов не верит Гринёву, потому что видит в нём дворянина и офицера, не признающего власти мужицкого царя и преданного интересам мира господ. Он имеет все основания заподозрить в Гринёве шпиона и, оставаясь в пределах интересов своего лагеря, совершенно прав. Это признаёт и Гринёв: «Логика старого злодея показалась мне довольно убедительною. Мороз пробежал по всему моему телу...» (298). Характеристика Белобородова как злодея – дань социальной позиции Гринёва, который оправдывает прибегающего к пытке капитана Миронова нравами эпохи. И стремление пугачёвского «фельдмаршала» отождествить живого человека с его социальной группой и перенести на его личность весь свой социальный гнев, обращаться с каждым из представителей враждебного лагеря по политическим законам отношения к этому лагерю становятся понятными. По этим же законам действуют и другие представители сторон. И в напряжённый момент столкновения (войны) двух лагерей это вполне естественно. Одних слов: «Государев кум со своей хозяйскою», т.е. свидетельства о принадлежности пойманных людей к миру восставших, достаточно и совсем не «злодею» Зурину, чтобы, не размышляя, отправить Гринёва в острог и приказать «хозяйшку» «к себе привести». Но вот Гринёв арестован, он приведён на суд. Его судьи – «пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати восьми, очень

приятной наружности, ловкий и свободный в обращении» - тоже поступают «по законам». Они видят в Гринёве только связанного с «бунтовщиками» политического противника, а не человека. Уверенность же Гринёва в том, что ему удастся оправдаться, зиждилась совсем на иных основаниях – чувстве своей человеческой правоты. С точки зрения дворянских законов Гринёв действительно виноват и заслуживает осуждения. Не случайно приговор ему произносит не только дворянский суд, но и родной отец, который называет его «ошельмованным изменником». Показательно, что не позорная казнь, ожидающая сына, составляет, по мнению Гринёва – отца, бесчестие, а измена дворянской этике.

Как только Гринёв понял, что судьям нет дела до человеческой стороны его поступков, он прекращает самозащиту.

Везде, где человеческая судьба Маши и Гринёва оказывается в соприкосновении с оправданными внутри данной политической системы, но бесчеловечными по сути законами, жизни и счастьем героев грозит смертельная опасность.

Но героев спасает человечность. Машу Миронову спасает Пугачёв. Ему нечем выразить Белобородову: политические интересы требуют расправиться с Гринёвым и не пощадить дочь капитана Миронова. Но то чувство, которое прямо выразил Хлопуша, упрекнув Белобородова: «Тебе бы все душить, да резать... Разве мало крови на твоей совести», руководит и Пугачёвым. Он поступает так, как ему велит человеческое чувство. Он милостив, следовательно, непоследователен, ибо отступает от принципов, которые сам считает справедливыми.

Судьба Гринёва, осуждённого с точки зрения формальной законности дворянского государства справедливо, оказывается в руках Екатерины II. Как глава дворянского государства Екатерина II должна осуществить правосудие и, следовательно, осудить Гринёва. Правосудие требует осуждения героя. Замечателен разговор императрицы с Машей Мироновой: «Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?» - Никак нет–с. Я приехала просить милости, а не правосудия» (319) (подчёркнуто нами – С.П.). Противопоставление милости и правосудия глубоко знаменательно для Пушкина. Тема милости становится одной из основных для позднего Пушкина. Неслучайно в «Памятнике» одной из своих заслуг назвал то, что он «милость к падшим призывал». В основе авторской позиции лежит стремление к политике, которая возводит человечность в государственный принцип, не заменяющий человеческие отношения политическими, а превращающий политику в человечность.

Роман построен так, что в исторической его части всё время сопоставляются два враждебных лагеря: народный, во главе которого стоит Пугачёв, и дворянский, возглавляемый Екатериной II. Между ними идёт борьба, и основные герои «семейственных записок» - Гринёв «Маша Миронова – волею обстоятельств сталкиваются и с тем и другим лагерем. Они должны были сделать выбор между двумя борющимися силами. Они его и сделали: остались верными дворянско–помещичьему миру.

Однако легко заметить, что всё честное, благородное, справедливое, истинно человеческое отдано автором записок (здесь герой и автор едины) народному миру, а не дворянско–помещичьему.

Первый раз представители двух враждебных лагерей показаны во второй главе («Вожатый»): Пугачёв и оренбургский генерал, начальник края. Какая резкая разница между ними! Вожатый (Пугачёв, о нём ниже – подробностей) – воплощение лучших черт народа, он кровно с ним связан. Генерал оторван от народа, он даже плохо знает русский язык. К нему Пётр Гринёв явился с письмом от отца. Генерал, Андрей Карлович – «мужчина росту высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времён Анны Иоанновны, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор» (поже – боже, фремя – время, молотец – молодец, софестно – совестно...). Удовлетворяя просьбу старика Гринёва, он назначает Петра Гринёва в Белогорскую крепость. Стоит только вспомнить о коменданте крепости, о том, что там не было ни службы, ни дисциплины, чтобы понять, как плохо знал генерал своих подчинённых и то, что творилось в подначальных ему укреплениях.

В восьмой главе описывается военный совет у Пугачёва, а в десятой – у генерала. Они даны также контрастно. У Пугачёва – живое, свободное обсуждение, в результате которого принимается смелое, правильное решение. С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачёв на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая чёрную бороду своим широким кулаком... Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шёл об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях.

Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспаривал Пугачёва. И на сем-то странном военном совете решено было идти к Оренбургу... Подход был объявлен к завтрашнему дню. «Ну, братцы, - сказал Пугачёв, - загнянем-ка на сон грядущий мою

любимую песенку. Чумаков! Начинай!» - Сосед мой затынул тонким голосом заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми, мати зелёная дубравушка

Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати...

(Подчёркнуто нами – П.С.)

Как много в этом эпизоде свободы, удали!

Сатирически зарисован совет у генерала. «Теперь, господа, - продолжал он, - подлежит решить, как нам действовать противу мятежников: наступательно или оборонительно? Каждый из оных способов имеет свою выгоду и невыгоду... итак, начнём собирать голоса...» Гринёв предложил наступать. Чиновникам видели в его мнении опрометчивость и дерзость молодого человека. Кто – то вполголоса произнёс «молокосос». Коллежский советник, старичок в глазетовом кафтане отвечал генералу: «Я думаю, ваше превосходительство, что не должно действовать на наступательно, и ли оборонительно... Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно». Генерал верно понял его: «Можно будет обещать за голову бездельника... рублей семьдесят или даже сто... из секретной суммы...» Таможенный директор прерывает генерала и добавляет: «И тогда... эти воры выдадут нам своего атамана, скованного по рукам и ногам». «Все чиновники говорили о ненадёжности войск, о неверности удачи, об осторожности и тому подобном». (290).

Гринёв с сожалением пишет о слабости «почтенного воина», который, наперекор собственному убеждению, решался следовать мнениям несведущих. Заключительное слово генерала завершало своей: «... Я не смею взять на себя столь великую ответственность, когда дело идёт о безопасности вверенных мне провинций её императорским величеством, всемилостивейшей моею государыней. Итак, я соглашаюсь с большинством голосов, которое решило, что всего благоразумнее и безопаснее внутри города ожидать осады, а нападения неприятеля силой артиллерии и (буде окажется возможным) вылазками – отражать». (290). (Подчёркнуто нами – П.С.).

Резко противопоставлены Пугачёв и генерал и в отношении к судьбе Маши Мироновой, оказавшейся во власти Швабрина. С какой бессердечностью отнёсся генерал к Маше! И наоборот, какое человеческое сочувствие проявил Пугачёв! «Кто из моих людей смеет обижать сироту?» - закричал он. И едет сам в Белогорскую крепость выручать невесту Гринёва.

Роман в целом и каждую из его глав Пушкин снабдил эпиграфами. Они определяют содержание или дают характеристику основного героя данной главы. Таковы эти графы ко всему роману: «Береги честь смолоду» («пословица») и к главам I, III, IV, V, VI, VII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV. Ко II и VIII главам предпосланы эпиграфы, имеющие противоположный смысл. Оба эти эпиграфа относятся к Пугачёву и излагают дворянскую точку зрения на Пугачёва, которую Пушкин опровергает содержанием глав. Вот они:

К главе II («Вожатый»):

Сторона ль моя, сторонущка,

Сторона незнакомая!

Что не сам ли да меня конь завёз:

Завезла меня, доброго молодца,

Прытость, бодрость молодецкая

И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня.

К главе VIII («Незванный гость»):

Незванный гость хуже татарина.

пословица.

Неслучайно Пушкин к трём главам (I, IV, XIII) использовал в качестве эпиграфов слова из произведений Княжнина, автора «мятежной трагедии» «Вадим Новгородский». Это, на наш взгляд, свидетельствует об авторском сочувствии к изображаемому народному движению.

Значительную роль в раскрытии идейного содержания романа играют пейзажи. Пейзажи в романе поражают своей реалистической точностью. Пушкин сжато, буквально в нескольких словах, умеет нарисовать полную и впечатляющую картину природы. Так, например, даны пейзажи во второй и в последней главах. Они идейно связаны с образами Пугачёва и Екатерины II.

Гринёв приближался к месту назначения. Белое облачко на краю небо предвещало бурана по ящику. Ветер показался герою не сильным и велел ящику ехать скорее. «Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. Пошёл мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось со снежным морем. Всё исчезло.. «Ну, барин, - закричал ящик, - беда, буран!» Я выглянул из кибитки: всё было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым... дороги нет, и мгла кругом... Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб...».

Пейзаж в романе не только простое описание местности или погоды. Он выполняет важную роль в характеристике героя и в развитии действия произведения. Вожатый (Пугачёв) – единственный человек, который во время бурана не растерялся, не пал духом. Он стоял на твёрдой полосе и нашёл дорогу к постоялому двору, проявив смелость и умения ориентироваться «Сторона мне знакомая, - отвечал дорожный (вожатый, т. е. Пугачёв – П.А.), - слава богу, исхожена и изъезжена вдоль поперёк. Да вишь какая погода: как раз собьёшься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдём дорогу по звёздам». Его хладнокровие ободрило меня. Я уж решился, предав себя божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ящику: «ну слава богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай». «Почему думаешь ты, что жило недалече?» - «А потому, что ветер оттоле потянул, - отвечал дорожный, - и я слышу, дымом пахнуло: знать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изучили. Я велел ящику ехать».

Это пейзажное описание важно и потому, что таинственный вожатый появляется в «мутном кружении метели» снежная буря, во время которой возникает перед Гринёвым фигура вожатого, как бы символизирует и пересказывает ту социальную бурю – народное восстание, - которая вновь столкнёт Гринёва с Пугачёвым, на этот раз вожатым народа, вождём народного движения.

Наконец, буран является завязкой сюжетной линии Гринёв – Пугачёв. Если бы не было бурана, не произошло бы знакомства Гринёва с Пугачёвым и судьба Гринёва, скорее всего, сложилась бы иначе.

В сцене свидания Марьи Ивановны с Екатериной II пейзаж иной, резко контрастирующий с первым. Там – «мрак и вихорь». Здесь, в Царскосельском саду «Утро

было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег». В такую ясную погоду, в обстановке Царскосельского парка с его озером, лугами и памятниками славе русского оружия, Марья Ивановна встречается с Екатериной II, которая дарует милость дочери капитана Миронова.

В начале выпускной квалификационной работы мы упомянули о заметке А.С.Пушкина «О прозе», в которой он ратовал за краткость и точность повествования в прозе.

Постоянное стремление к устранению всего лишнего, ненужных подробностей, необязательных деталей наглядно обнаруживается и при изучении работы Пушкина над текстом «Капитанской дочки». За неимением пушкинских рукописей, вариантов романа, здесь мы воспользуемся наблюдениями Д.Благого, работавшего над рукописями Пушкина, вариантами «Капитанской дочки».

Например, описывается степной «умет» - постоянный двор, куда вожатый привёз Гринёва и Савельича во время бурана. Умет содержал «яицкий казак... мужик лет шестидесяти, ещё свежий и бодрый. В первоначальных вариантах было (по свидетельству Д.Благого): «Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввёл меня в горницу, где горела лучина.., и где на столе стоял горшок со щами»; «ввёл меня в горницу довольно чистую – лучина освещала её. На столе стоял горшок щей. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка». Из окончательного текста Пушкин устраняет и «хозяйку», и «горшок щей». Остаётся только один хозяин и предметы, имеющие прямое отношение к боевому казачьему быту: «Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввёл меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала её. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка».

А.П.Чехов сказал однажды одному начинающему писателю: «... не надо ничего лишнего. Всё, что не имеет прямого отношения к рассказу, всё надо беспощадно выбрасывать. Если вы говорите в первой главе, что на стене висит ружьё, во второй или третьей главе оно должно непременно выстрелить. А если не будет стрелять, не должно и

висеть»¹³. Здесь Чехов следует пушкинской традиции и, возможно, его пример также подсказан «Капитанской дочкой».

Винтовка, висящая на стене хозяина умета, указана Пушкиным не зря: из последующих глав мы видим, как застреляли вскоре винтовки яицких казаков! Равным образом «высокая шапка» является в дальнейшем постоянной приметой самого Пугачёва. В седьмой главе («Приступ»): «На нём был красивый казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболя шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза»; в главе одиннадцатой: «Пугачёв сидел в красном кафтане, в высокой шапке» («Мятежная слобода»).

Таким образом, винтовка на стене и высокая шапка не просто бытовые детали, они имеют прямое отношение к дальнейшему повествованию.

Наоборот, «горшок шей», имеющийся в черновом варианте, является как раз таким «ружьём», которое «не стреляет». Шей в произведении никто не есть, а как ещё одна бытовая деталь это только рассеивало бы внимание.

В романе довольно много персонажей. Но среди них нет случайных. Все они обычно связаны между собой в общий и тугой композиционный узел.

Гусарского ротмистра Зурина читатель встречает уже в первой главе. Он учит молодого Гринёва «привыкать к службе» и, пользуясь его совершенной неопытностью, жестоко обыгрывает его на бильярде. Иван Иванович Зурин появляется и в конце романа (предпоследняя глава) и помогает Гринёву в трудную для него минуту, берёт его в свой отряд.

Ещё более важную, решающую роль в судьбе Гринёва играет случайно встретившийся ему в Оренбургской степи во время бурана вожатый, оказавшийся впоследствии не кем иным, как самим Пугачёвым. В первоначальных планах этот эпизод излагался иначе. По одному из планов герой (по этому плану герой назывался не Гринёв, а Башарин) во время бурана встретил не Пугачёва, а «изувеченного» башкирца, то есть между героем и Пугачёвым оказывалось ещё одно лицо. В окончательном тексте Пушкин устраняет это, сразу же сталкивая героя лицом к лицу с самим Пугачёвым. Это даёт возможность полнее и глубже развёрнуть характер вождя крестьянского восстания.

¹³ А.П.Чехов в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1960. – с.461-462.

Что касается весьма характерной в историческом отношении (с точки зрения состава участников восстания Пугачёва) фигуры изувеченного башкирца, она тоже не пропала. В главе «Пугачёвщина» рассказывается, что «схвачен был башкирец с возмутительными листами». Схваченного башкирца пытаются люди Ивана Кузьмича Миронова. «Возмутительные листы» - это было воззвание Пугачёва. За участие в восстании 1741 года царскими усмирителями у башкирца были отрезаны уши и нос, вырезан язык (это также исторический факт). В следующей главе («Приступ») именно этот самый семидесятилетний башкирец вешает допрашивавшего его накануне коменданта Белогорской крепости, капитана Миронова: «Пугачёв грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?»» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твёрдым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!» Пугачёв мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На её перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке верёвку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузьмича вздёрнутого на воздух.

Не менее характерна в романе и другая фигура – казачьего урядника Максимыча, который во главе своих казаков переходит на сторону Пугачёву и, подобно изувеченному башкирцу, активно содействует гибели капитана Миронова. «Который комендант?» - спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузьмича. Казачий урядник выполняет в романе, с одной стороны, определённую историческую функцию – является иллюстрацией кровной связи между Пугачёвым и яицким казачеством. С другой стороны, Пушкин дважды сталкивает его непосредственно с Гринёвым. В первый раз урядник догоняет Гринёва, помилованного Пугачёвым и отправлявшимся вместе с Савельичем пешком в Оренбург, и вручает ему по приказанию Пугачёва лошадь и овчинный тулуп. Во второй раз урядник доставляет Гринёву письмо от Маши Мироновой.

О композиционном мастерстве Пушкина свидетельствует также расположение отдельных частей романа по отношению ко всему целому, к основному идейному замыслу.

Первые главы представляют собой повествование о «приключениях» Гринёва до приезда в Белогорскую крепость (Симбирск, встреча с Зуриным, которому проиграл сто рублей; дорога, буран, вожатый – Пугачёв...). Они представляют собой экспозицию: ставят друг подле друга оба главных лица, история отношений которых и составляет

основную внутреннюю тему романа – Гринёва и Пугачёва. Это композиционное расположение подчёркнуто названиями глав: «Сержант гвардий», «Вожатый». Встреча с вожатым и вещий сон Гринёва («Вожатый») связывает начальные эпизоды с последующим содержанием романа. Важна в романе роль сна Гринёва, в котором сам он усматривает «нечто пророческое», как бы предсказывается «странная история взаимоотношений Гринёва и Пугачёва, и тем самым образно выражена основная внутренняя тема романа. «Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы... матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, - говорит она мне, - отец болен, при смерти и желает с тобою проститься»... Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?... Вместо отца моего, вижу в постеле (не удивляться: норма тогда такая была) лежит мужик с чёрною бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» - «Всё равно, Петруша, - отвечала мне матушка, - это твой посаженный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мёртвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых мужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под моё благословение...» Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся». (242).

Если бы вместо вожатого – самого Пугачёва – Гринёв встретил в степи, как это предполагалось первоначальными планами, «изувеченного башкирца» или кого – то из людей Пугачёва, такая стройная и чёткая композиция не могла бы иметь места.

III – IX главы (семь глав) повествуют о приезде Гринёва в Белогорскую крепость и о жизни его там. Три из них (III – V) представляют собой как бы непосредственное продолжение самой первой главы не выходя за рамки семейной истории Гринёва, перипетий его романа. В них даётся подробное описание семейства Мироновых, рассказывается о возникновении чувства Гринёва к Маше Мироновой, столкновении его из – за неё со Швабриным, объяснении в любви между раненым Гринёвым и Машей. Однако после резкого письма Гринёва – отца, категорически отказавшего в согласии на брак сына с капитанской дочкой, роман их заходит в тупик, ибо Маша столь же решительно отказывается выйти замуж за Гринёва без благословения его родителей: «Без их благословения не будет тебе счастья». (262).

«Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума, или удариться в распутство. Неожиданные происшествия, (так в тексте романа) имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение». (2630).

О «неожиданных происшествиях» повествует шестая глава романа – «Пугачёвщина». Эти происшествия принесли с собой ряд испытаний для Гринёва и Маши Мироновой, но вывели их роман из тупика.

Начинается шестая глава сообщением о событиях, предшествовавших приезду Гринёва в Белогорскую крепость. Дана здесь краткая историческая справка о политическом положении в Оренбургской губернии в конце 1773 года «Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших ещё недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непрестанного надзора для удержания их в повиновении... яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства беспокойными и опасными поданными. В 1772 году произошло возмущение в их главном городке. Причиной тому были строгие меры, предпринятые генерал – майором Траубенбергом, дабы привести войско к должному повиновению. Следствием было варварское убиение Траубенберга, своевольная перемена в управлении и наконец усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями». (264).

В этой главе рассказывается о начале нового восстания и о приближении войск Пугачёва и Белогорской крепости.

Глава «Пугачёвщина» является как бы водоразделом, членящим семь «белогорских» глав на две почти равные половины, отделяющим первые три (чисто «семейные») главы от других трёх глав, в которых романические отношения Гринёва и Маши Мироновой вовлекаются в вихрь исторических событий и политических потрясений.

Начиная с шестой главы на первый план выдвигаются исторические события – пугачёвское восстания. Меняется и самый темп рассказа. В первых трёх белогорских главах (III – V) описывается то, что происходило в течение почти целого года (с начала зимы 1772 года до октября 1773 года). В трёх последних (III – V) то, что произошло на

протяжении всего около суток. В VII – IX главах снова (как и во второй главе) рядом с Гринёвым оказывается Пугачёв. Прямым связующим звеном между этими главами и второй главой является уже упомянутый «пророческий» сон.

Яркая символика сна («топор», которым размахивал мужик во сне, «мёртвые тела», «кровавые лужи») подчёркнуто преобразуют реальные события, свидетелем которых является Гринёв после взятия Пугачёвым Белогорской крепости. А слова «Страшный мужик ласково меня кликал» точно определяют отношения, складывающиеся в дальнейшем между Пугачёвым и Гринёвым, так же как и отношение Пугачёва к Маше после того, как он узнал, что она – сирота и невеста Гринёва: «Потом обратился он к Марье Ивановне и сказал ей ласково: «Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь». То же слово «ласково» встречается в эпиграфе к слову «Мятежная слобода». Здесь «ласково» непосредственно связано также с Пугачёвым:

В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.

«За чем пожаловать изволил в мой вертеп?» -

Спросил он ласково.

А.Сумароков. (294).

Эта тесная связь между сном и последующей явью усиливается и прямыми текстуальными переключками. Казаки, которые тащат Гринёва к виселице, повторяют: «Не бось, не бось». Помилованного Пугачёвым Гринёва приводят к нему и ставят перед ним «на колени» (подчёркнутые встречались, как помнили, в рассказе Гринёва о своём сне).

Пугачёв протянул мне жилистую свою руку. «Цалуй руку, цалуй руку! – говорили около меня... «Батюшка, Пётр Андреич! – шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. – Не упрямяся! что тебе стоит? плюнь да поцалуй у злод... (тьфу) поцалуй у него ручку». (276).

Легко можно установить и другие параллели. Слова Гринёва в рассказе о сне «вижу, в постели лежит мужик с чёрною бородою, весело на меня поглядывая», переключаются с последующим описанием облика Пугачёва. О его чёрной бороде, как и о сверкающих глазах, неоднократно упоминается, начиная с той же главы «Вожатый»: «Где же вожатый?» - спрашивает Гринёв у Савельича после приезда на постоялый двор (сразу

же после сна). «Здесь, ваше благородие», - отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полати и увидел чёрную бороду и два сверкающие глаза.» Через несколько строк снова: «В чёрной бороде его показывалась проседь». В восьмой главе («Незванный гость»): «Пугачёв на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая чёрную бороду своим широким кулаком». Когда рассказывалось о сне было: «Страшный мужик ласково меня кликал...» Потом также будет сказано о весёлости Пугачёва. «Пугачёв смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной весёлостью, что и я, глядя на него стал смеяться, сам не зная чему. (282). «Пугачёв весело со мною поздоровался». (300).

Приём «пророческого» сна, как помним, применялся Жуковским в балладах. К этому приёму Пушкин также обращался неоднократно (сон Татьяны в «Евгении Онегине», сон Григория в «Борисе Годунове»). В «Капитанской дочке» Пушкин даёт этому психологическую мотивировку, вкладывая в уста Гринёва следующее «извинение» перед читателями: «Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо вероятно знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам» (241).

Сон в «Капитанской дочке» важен не только своим «пророческим» характером. Он использован в романе в чисто художественных целях. Он скрепляет отдельные звенья романа в единое и стройное композиционное целое. Благодаря этому приёму Пушкин получил возможность симметрично расположить первые девять глав по двум руслам. Первая глава: семейство Гринёвых – первые три белогорские главы: семейство Мироновых; вторая глава: буран, сон – последние три белогорские главы: события, связанные с пугачёвским восстанием. Водоразделом между ними является четвёртая глава – «Пугачёвщина».

Так же стройно сочленены между собой в композиционном отношении четыре непосредственно следующие за белогорскими главы – «Осада города» (X), «Мятежная слобода» (XI), «Сирота» (XII) и «Арест» (XIII), - которые имеют особенно важное значение для раскрытия основной внутренней темы романа – отношений между положительным героем – дворянином и вождём крестьянского восстания.

Если в главе «Вожатый» Пугачёв оказывает серьёзную услугу Гринёву во время бурана, если в белогорских главах он из благодарности за «стакан вина и заячий тулуп», которыми вознаградил его Гринёв, дарует ему жизнь, то в X – XIII главах он является своего рода земным провидением Гринёва, устраивает его семейное счастье. Эта благодетельная роль вождя крестьянского восстания выступает особенно выпукло, поскольку от представителей правительственного лагеря Гринёв никакой поддержки не получает.

Узнав из письма Маши, доставленного урядником Максимычем, о требовании Швабрина не позже трёх дней выйти замуж за него под угрозой – в противном случае выдать её Пугачёву как дочь капитана Миронова, Гринёв бросается к коменданту Оренбурга, немцу – генералу. «Ваше превосходительство, ж – сказал я ему, - прибегаю к вам, как к отцу родному; ради бога, не откажите мне в моей жизни... прикажите взять мне роту солдат и полсотни казаков и пустите меня очистить Белогорскую крепость... Дочь капитана Миронова, - сказал я ему, - пишет ко мне письмо: она просит помощи; Швабрин принуждает её выйти за него замуж». (293). Генерал знает, что Швабрин – плут превеликий: «... если попадётся ко мне в руки, то я всего его судить в 24 часа, и мы расстреляем его на парاپете крепости! Но покамест надобно взять терпение... лучше ей быть покамест женою Швабрина: он теперь может оказать ей протекцию; а когда его расстреляем, тогда, бог даст, сыщутся ей и женьшки... вдовушка скорее найдёт себе мужа, нежели девица». (293).

После этого Гринёв решает обратиться за помощью к Пугачёву. По первоначальному варианту Гринёв сам едет к Пугачёву искать у него защиты: На вопрос Пугачёва: «От кого и зачем ты ко мне послан? – «Я приехал сам от себя, - отвечал я, - прибегаю к твоему суду. Жалуюсь на одного из твоих людей и прошу тебя защитить сироту, которую он обитает».

В ходе работы над романом по соображениям явно цензурного порядка (по мнению Д.Благого) Пушкин вынужден был несколько смягчить это место. В окончательном тексте после отказа генерала помочь Гринёв едет в Белогорскую крепость (чтобы защитить Машу), по дороге же его схватывают караульные Пугачёва и насильно приводят в Бердскую слободу. То есть в «пристанище» Пугачёва он попадает не намеренно, а случайно.

Пугачёв защищает Машу Миронову от посягательств Швабрина. «Глаза у Пугачёва засверкали. «Кто из моих людей смеет обижать сироту? – закричал он. – Будь

он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдёт. Говори: кто виноватый?» - Швабрин виноватый, - отвечал я. – Он держит в неволе ту девушку, которую ты видел больную, у попадьи, и насильно хочет на ней жениться. «Я проучу Швабрина, - сказал грозно Пугачёв. – Он узнаёт, каково у меня своевольничать и обижать народ. Я его повешу».

(297).

Эта реакция противоположна тому, как принял известие об участии Маши Мироновой генерал – немец. С другой стороны, она яркое свидетельство народности дела Пугачёва, поднявшегося на защиту народа, который обижают. Пушкин рисует характер Пугачёва, его душевный облик совершенно таким, каким воспринимал его сам народ, каким он представал в народном творчестве – песнях, преданиях.

Контраст двух лагерей – правительства и Пугачёва – подчёркивается и композиционно: расположением двух глав (оренбургской и бердской – генеральской и пугачёвской) непосредственно друг после друга. Этот контраст проводится и расположением и двух следующих глав – «Сирота» и «Арест» (только в обратном порядке).

В главе «Осада города» генерал отказывает Гринёву в помощи; в главе «Мятежная слобода» Пугачёв ещё обещает. В главе «Мятежная слобода» Пугачёв сдерживает своё обещание, едет вместе с Гринёвым в Белогорскую крепость, освобождает Машу из – под власти Швабрина, предлагает Гринёву быть его посаженным отцом. В следующей главе («Арест») представители правительственного лагеря грубо схватывают Гринёва и Машу. Обошлось благополучно только потому, что правительственным отрядом командовал старый знакомый Гринёва Зурин (которому герой проиграл в бильярд). В конце главы на виновного ни в чём Гринёва арестуют и, как преступника, отправляют в следственную комиссию, учреждённую по делу Пугачёва.

Так, главы романа тесно связаны с предыдущим и последующим и представляют собой некое единое, симметрично организованное композиционное целое.

После главы «Арест» следует ещё одна последняя и заканчивающая весь роман – глава «Суд».

Начало и конец романа перекликаются.

В начале романа птенец вылетает из своего дворянского гнезда; в конце произведения после ряда происшествий он снова в него возвращается. Между первой и последней главами Пушкин протягивает нити соответствий и даже прямых

совпадений. В середине последней главы мы – снова в симбирском поместье Гринёвых. Те же старики, те же характерные детали (чтение отцом Придворного Календаря, упоминание о влиятельном петербургском родственнике, князе Б**, который писал об «участии» Петра Гринёва в замыслах бунтовщиков). Но подле стариков Гринёвых полюбившаяся им невеста сына Маша, и нет самого сына. Поместная идиллия первой главы после получения письма от князя Б** оборачивается трагедией.

Подчёркнуто параллельны отдельные места первой и последней глав.

В первой главе: «Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный Календарь, ежегодно им получаемый... Итак. Батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал – поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!..» Наконец батюшка швырнул календарь на диван и погрузился в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго. Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?» - «Да вот пошёл семнадцати годок»... «Добро, - прервал батюшка, - пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим да лазить на голубятни». Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слёзы потекли по её лицу» (224 – 225). (Подчёркнуто нами – П.С. Подчёркнутое повторится и в конце произведения).

В последней главе: «Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевёртывая листы Придворного календаря; но мысли его были далеко... (ведь узнал он об «участии» сына в делах Пугачёва – П.С.). Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слёзы изредка капали на её работу. Вдруг Марья Ивановна «объявила, что необходимость её заставляет ехать в Петербург и что она просит дать ей способ отправиться,.. что она едет искать покровительства и помощи у сильных людей, как дочь человека, пострадавшего за свою верность. Отец... «Поезжай, матушка! – сказал он ей со вздохом. – Мы твоему счастью помехи сделать не хотим. Дай бог тебе в женихи доброго человека, не ошельмованного изменника». Он встал и вышел из комнаты. Марья Ивановна, оставшись наедине с матушкой, отчасти объяснила ей свои предположения. Матушка со слезами обняла её и молила бога о благополучном конце замышленного дела». (318. Подчёркнуто нами – С.П.).

Близость названных эпизодов подчёркивается и одинаковостью их словесного оформления – та же лексика, даже такие же синтаксические обороты, единоначатие (смотри подчёркнутые нами).

В последней главе, как и в первой, батюшка – с Придворным календарём в руках. Но в первой главе он внимательно читает его: «Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он её без особенного участия, и чтение это производило в нём всегда удивительное волнение желчи...»

В последней главе Гринёв – отец рассеяно переворачивает листы календаря: «... но мысли его были далеко и чтение не производило над ним обыкновенного своего действия».

В первой главе – «матушка варила в гостиной медовое варенье»; в последней – в той же гостиной «матушка молча вязала шерстяную фуфайку и слёзы изредка капали на её рабату». Совершенно очевидно, что каждая из этих деталей органически связана со всем остальным, полностью соответствует данной ситуации. Варить варенье матушка должна была именно в первой, в основном в идиллической главе. Наоборот, так естественно, что в последней главе она вяжет «шерстяную фуфайку», конечно, для сосланного теперь в Сибирь Петруши (об этом писал князь Б**).

Дальше ход действия в обеих параллельных сценах развёртывается совершенно симметрично. В первой главе принимается решение об отъезде Петруши не в Петербурге, а в Белогорскую крепость; в последней главе Марья Ивановна, приехавшая из Белогорской крепости к родителям Гринёва, отправляется в Петербург. И в том и в другом случае упоминается о слезах матушки. Но «слёзы» эти тоже разные. В первом случае матушка плачет горькими слезами при мысли о разлуке с сыном; во втором случае – радостными слезами, слезами надежды на то, что Марья Ивановне удастся её замысел – добиться оправдания Петруши.

Симметрия в развёртывании сюжета романа проводится и далее, до конца произведения.

Гринёв смело явился к вождю крестьянского восстания Пугачёву (в окончательном тексте это несколько смягчено) для спасения своей невесты и достиг этого. Маша едет и к императрице в её резиденцию – Царское село – для спасения своего жениха и также добивается этого, в свою очередь, спасает Гринёва.

Посредством параллельно – симметричного развёртывания сюжета «Капитанской дочки» Пушкин получает также возможность непосредственно сопоставить между собой двух главных антагонистовскую императрицу, на столкновении которых и основана историческая канва романа.

Параллельно описываются «резиденции» Екатерины II и Пугачёва.

О своём приезде к Пугачёву Гринёв рассказывает: «Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрёстка. У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки. «Вот и дворец», - сказал один из мужиков, - сейчас об вас доложим... Я вошёл в избу, или во дворец, как называли её мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены были оклеены золотой бумагой; впрочем лавки, стол, рукомойник на верёвочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками, - всё было как в обыкновенной избе. Пугачёв сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия». (296. Подчёркнуто нами - С.П.).

А вот изображение резиденции императрицы Екатерины II:

«Через несколько минут карета остановилась у дворца (Марья Ивановна приехала к императрице – П.С.). Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. Двери перед нею растворились настежь. Она прошла длинный ряд пустых, великолепных комнат; камер – лакей указывал дорогу. Наконец, подошед к запертым дверям, он объявил, что сейчас об ней доложит, и оставил её одну... Через минуту двери отворились, и она вошла в уборную государыни. Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали её и почтительно пропустили Марью Ивановну». (321. Подчёркнуто нами – П.С.).

В изображении императрицы Пушкин, естественно, чувствовал себя стесненным политическими и цензурными условиями. О Екатерине II Пушкин отказывался как о Тартюфе в юбке и в короне. Но так показать её в романе не мог. Пушкин нашёл двойной выход из этих затруднений. Во – первых, образ императрицы он даёт через восприятие дворянина XVIII века Гринёва. Во – вторых, в своём описании Екатерины II Пушкин опирается на определённый художественный опыт. Изображение «дамы» с «белой собачкой» (её Маша Миронова встречает в царско – сельском саду) в точности воспроизводит портрет Екатерины II Боровиковского: «Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо её, полное и румяное,

выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и лёгкая улыбка имели прелесть неизъяснимую». (319).

Но в то же время Пушкин выразительно показывает, как эта «тартюфская» маска мгновенно спадает с лица Екатерины, когда она узнаёт, что Маша просит за Гринёва.

«- Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?»

- Никак нет—с. Я приехала просить милости, а не правосудия... Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу (содержание просьбы – С.П.) и подала её незнакомой своей покровительнице, которая стала читать её про себя.

Сначала она читала с видом значительным и благосклонным; но вдруг лицо её переменилось, - и Марья Ивановна, следовавшая глазами за всеми её движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

«Вы просите за Гринёва? – сказала дама с холодным видом. – Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй».

- Ах, неправда! – вскрикнула Марья Ивановна.

- Как неправда! – выразила дама, вся вспыхнув» (319 – 320. Подчёркнуто нами – С.П.).

От «прелести неизъяснимой» облика незнакомки (императрицы) не остаётся и следа. Перед читателем не приветливо улыбающаяся «дама», а разгневанная, властная самодержица, от которой бесполезно ждать пощады. Она простила Гринёва, лишь убедившись из рассказа Маши Мироновой в его невинности, лишь после того, как Маша «с жаром рассказала всё». (320).

Тем ярче по сравнению с этим проступает глубокая человечность в отношении к Гринёву и Маше Мироновой Пугачёва. Пушкин в Духе народных песен и сказаний о Пугачёве развернул замечательный характер вождя крестьянского восстания, показать наряду с суровой беспощадностью по отношению к угнетателям народа и их защитникам вольный дух, широту его натуры, чувство справедливости, щедрость душевную, благодарность за оказанное ему добро. В целом об образе Пугачёва высоко отзывался Белинский. Этот образ и есть основной, главный в романе. На особенностях построения этого образа и остановимся.

В изображении Пугачёва Пушкин резко расходится с дворянскими писателями и публицистами, которые видели в вожде восстания «изверга», «злодея». Совершенно не таков Пугачёв у Пушкина. Облик его нарисован через восприятие Гринёва, представителя враждебного лагеря. Однако честность, искренность, прямота Гринёва позволяют ему увидеть в Пугачёве умного, отважного, великодушного человека, защитника бедных и сирот. В своих записках Гринёв пишет: «Зачем не сказать и истины?» В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал... спасти ему голову...» (307). «Видя в восстании «бунт бессмысленный и беспощадный», а в Пугачёве – разбойника, злодея, в то же время «странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровно стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле: «Емеля, Емеля!» - думал я с досадою, - зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать». Что прикажете делать? Мысль о нём неразлучна была во мне с мыслью о пощаде, данной мне им об избавлении моей невесты из рук гнусного Швабрина». (312).

Пугачёв кровно связан с народом, пользуется его любовью и поддержкой. Народ видит в нём «народного царя» и своего заступника. Гринёв констатирует и то, что Пугачёва постоянно окружает народ. Казаки и солдаты Белогорской крепости не желают сражаться против Пугачёва, переходят на его сторону. Жители крепости встречают его хлебом – солью. Пушкин неоднократно показывает Пугачёва, окружённого народом; заслышав колокольчик тройки, народ выбегает его встречать.

Пушкин подчёркивает близость Пугачёва к народной массе, кровное родство с ней. Образ его овеян народно – поэтическим мотивами: с драматической судьбой пугачёвцев связывается бурлацкая песня «Не шуми ты, мати зелёная дубравушка», которую поют Пугачёв и его сподвижники (после принятия решения «военным советом» Пугачёва «идти к Оренбургу» - «Незванный гость»). Речь Пугачёва пересыпана пословицами и поговорками, отражающими народные воззрения: «Долг платежам красен», «Утро миловать так миловать».

Показателен разговор (по Гринёву, «воровской») Пугачёва с хозяином постоялого двора, пересыпанный поговорками, иносказанием («Вожатый»), к которому он вынужден прибегнуть в присутствии Гринёва, представителя «враждебного лагеря». «Эхе, - сказал он, - опять ты в нашем краю! Отколе бог принёс?» Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огород метал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком – да мимо. Ну, а что ваши?»

- Да что наши! – отвечал хозяин, продолжал иносказательный разговор. – Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте. – «Молчи, дядя, - возразил мой бродяга, - будет дождик, будет и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит...

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах яицкого войска, в то время только что усмиренного после бунта 1772 года». (243).

Желая дать понять Гринёву, как ему, Пугачёву, дорога свобода, вольная жизнь, он передаёт это яркими образами калмыцкой народной сказки об Орле и Вороне.

В главе XI («Мятежная слобода») в ответ на «совет» Гринёва прибегнуть к милосердию государыни и рассказ о судьбе Гришки Отрепьева Пугачёв и рассказывает эту сказку.

« - Слушай, - сказал Пугачёв с каким – то диким вдохновением. – Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орёл спрашивал у ворона: скажи, ворон – птица, отчего живёшь ты на белом свете триста лет, а я всего – на все только тридцать три года? – Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьёшь живую кровь, а я питаюсь мертвячиной. Орёл подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орёл да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат, ворон, чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст! – Какова калмыцкая сказка?». (302). (Подчёркнуто нами – С.П.).

Окружающая Пугачёва народно – поэтическая стихия подчёркнута также целой системой эпиграфов: строки из народных песен предваряют главы «Капитанской дочки», относящиеся к Пугачёву. Таковы эпиграфы ко II и VI главам. Они приводились и выше:

Сторона ль моя, сторонушка,

Сторона незнакомая!

Что не сам ли я на тебя зашёл,

Что не добрый ли да меня конь завёз:

Завезла меня, доброго молодца,

Прытость, бодрость молодецкая

И хмелинушка кабацкая.

(Старинная песня, 239)

Вы, молодые ребята, послушайте,

Что мы, старые старики, будем сказывать.

(Песня, 264).

Эпиграфы в «Капитанской дочке» являются важной составной частью композиции романа. Они мотивированы как открытое вмешательство «издателя» в текст «семейственных записок» - Гринёва. Отмечены две группы эпиграфов – народно – поэтические и литературные. Но преобладают фольклорные тексты, что понятно: роман посвящён народному движению.

Образ Пугачёва в романе не однозначен. Повторим ещё раз: вождь крестьянского движения предстаёт в восприятии Гринёва, представителя дворянства, преданного императрице Екатерины II. Гринёв часто акцентирует внимание на тёмных сторонах «пугачёвщины», вообще оценивает Пугачёва и его сторонников во многом с позиций его противников. Но определяет его отношение к Пугачёву всё же то «невольное сочувствие», которое испытывает к нему Гринёв. Восхищение Гринёва личностью Пугачёва создаёт почву для восприятия его образа, хотя одновременно изображаются и его «злодеяния». Таковы, например, сцены казни защитников Белогорской крепости; безобразные убийство по прямому приказу Пугачёва («унять старую ведьму») Василисы Егоровны. Несмотря на это, образ Пугачёва в романе выступает как положительный. Всей логикой изображения показано, что жестокость, которой сопровождалось восстание Пугачёва, вызвана угнетением, толкнувшим народ на борьбу, ожесточившим его против защитников ненавистных порядков. Смерть капитана Миронова и его жены, конечно, неоправданная жестокость. К тому же она обнаружила трагизм их положения. Принадлежа, казалось бы, к демократическим низам общества (это подчёркивается их бытом и душевной простотой), они в то же время противодействуют народу, оказываются на стороне его врагов. Скромный героизм Ивана Кузмича и Ивана Игнатьевича (оба отказались присягать Пугачёву, назвали его «вором и самозванцем» («Приступ»)) вызывает восхищение Гринёва, читательское сочувствие, что не противоречит восхищению и Пугачёвым.

Образ Пугачёва наиболее полно раскрывается в одиннадцатой («Мятежная слобода») и двенадцатой («Сирота») главах романа. Проявленная Пугачёвым человечность окружает его образ нравственным ореолом, вызывает симпатии читателя. Существенное, ведущее в образе Пугачёва – величие, героизм, столь импонировавшие Пушкину. Это выражено символическим образом орла (в приведённой выше калмыцкой сказке).

Заключение

1. Изучение «Капитанской дочки» в аспекте темы выпускной квалификационной работы убеждает в верности мысли Д.Благого: «Только тогда, когда литературное произведение полностью удовлетворяет... «чувству соразмерности» гармонической слаженностью всех своих частей, оно и является в композиционном отношении подлинно прекрасным»¹⁴.

2. В «Капитанской дочке» наиболее полно и точно отразились пушкинские принципы изображения действительности и человека в прозе. Проспер Мериме писал о Пушкине, что будучи ещё молодым, «прекрасно сидя в седле, он направляет коня именно туда, куда хочет всадник»¹⁵. Красиво, образно и верно сказано. В этом мы убедились, анализируя роман «Капитанская дочка» в аспекте темы. Но для того, чтобы «направлять коня именно туда, куда хочет всадник», необходимо обладать большим мастерством. Им Пушкин и обладал.

3. Над небольшим по объёму романом (пять печатных листов, в издании, которым мы пользовались, 90 страниц, 100 вместе с «Пропущенной главой» - Приложением) Пушкин работал около 4-х лет (январь 1833 – октябрь 1836 года). Исследователи отмечали, что Пушкин обладал избытком исторического материала. Однако принцип краткости и точности при многосодержательности требовал от художника долгого и упорного труда.

4. Пушкин к исторической теме обращался и в других произведениях («Арап Петра Великого», «Полтава», «Борис Годунов...»). По темам фактический материал Пушкин заимствовал у историков. Восстание же под

руководством Пугачёва ко времени Пушкина было изучено недостаточно. С другой стороны, почти всё имевшееся об этом восстании носило тенденциозный, реакционно-дворянский характер.

¹⁴ Благой Д. Указ. соч., с. 91.

¹⁵ Там же, с.80.

5. Пушкин производит специальные архивные разыскания, беседует с Крыловым, Дмитриевым – свидетелями восстания Пугачёва и его казни, предпринимает специальную поездку на места событий, собирает и изучает фольклорные произведения о Пугачёве.

6. Сочетая романтическую историю любви Гринёва и Маши Мироновой с крупнейшим событием XVIII века – народным восстанием под предводительством Емельяна Пугачёва Пушкин в «Капитанской дочке» развернул содержание большого романа. О «Капитанской дочке» Белинский отзывался как об «Онегине в прозе». «Капитанская дочка» как и «Евгений Онегин» давал художественную энциклопедию русской жизни эпохи Екатерины II.

7. Как мы постарались показать в своей работе, композиция романа глубоко содержательна, гармонически соответствует лежащему в его основе идейному замыслу. Богат арсенал средств композиционной организации (портрет, пейзаж, детали предметного мира, детали биографии, сон, приём контраста – симметрии, своеобразное расположение эпиграфов, пословиц и поговорок, народных песен...). Они играют важную роль в конструкции образов, сюжетных линий, способствует наилучшему раскрытию идейного содержания произведения.

8. Главы романа тесно связаны между собой, представляют некое единое, симметрично организованное композиционное целое. Завершенность, единство в нем «обретено своим особым композиционным решением»¹⁶.

9. Русскую прозу (предшествовавшую и современную) Пушкин называл «детской». Роман «Капитанская дочка» был шагом к зрелой русской прозе.

¹⁶ Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. Очерки. – М.: Наука, 1974. – с.115.

Библиография

I

1. Каримов И.А. Идеология – это объединяющий флаг нации, общества, государства // Мечта о совершенном поколении. – Т.: Шарк, 1999. – с. 31 – 48.
2. Каримов И.А. Узбекистан, устремлённый в XXI век. – Т.: Узбекистан, 1999.
3. Каримов И.А. Юксак маънавият – энгилмас куч. – Т.: Маънавият, 2008.
4. Каримов И.А. Последовательное продолжение курса на модернизацию страны – решающий фактор нашего развития // Народное слово, 8 декабря 2010 г., № 236.

II

5. Пушкин А.С. Сочинения в 3 – х т., т – 3. Проза. М.: Художественная литература, 1987. – с.232 – 331.
6. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 – ти т., Т.Х. Письма. – М.: Издание АН СССР, 1958. – с. 599 (письмо П.А.Корсакову).

III

7. Белинский В.Г. Собр. соч. в 3-х т., т.3. Сочинения Александра Пушкина. Статья одиннадцатая. – М.: ГИХЛ, 1948. – с. 596 – 640.

IV

8. Благой Д. Пушкин – зодчий // Благой Д. От Кантемира до наших дней. т.2. –М.: Художественная литература, 1973. – с. 88-231.
9. Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. Очерки. – М.: Наука, 1974.
10. Гуковский Г. Пушкин и проблемы реалистического стиля. – М., 1958.
11. История русского романа. В 2-х т., т. 1. – М. – Л.: Издание АН СССР, 1962.
- 12.Коровин В.И. А.С.Пушкин в жизни и творчестве. – М.: Русское слово, 2007.
13. Купреянова Е.Н., Макогоненко Г.П. Национальное своеобразие русской литературы. – М., 1970.

14. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: прсвещение, 1988. – с. 107 – 124.
15. Магоконенко Г.П. Творчество Пушкина в 1830-е годы. – Л.: художественная литература, 1982.
16. Мейлах Б. Жизнь Александра Пушкина. – Л.: Художественная литература, 1974.
17. Оксман Ю.Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка» // А.С.Пушкин. капитанская дочка. – М., 1964. – с. 149-208.
18. Петров С.М. Реалистический исторический роман Пушкина «Капитанская дочка» // Петров С.М. Русский исторический роман XIX века. – М.: Художественная литература, 1964. – с. 180-216.
19. Петрунина Н.Н. К творческой истории «Капитанской дочки» // Русская литература, 1970, № 2. – с. 78-92.
20. Пушкин. Итоги и проблемы изучения. – М. – Л.: Наука, 1966.
21. Сидяков Л.С. Художественная проза А.С.Пушкина. – Рига, 1973.
22. Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974. (статья А Ревякина «Композиция», с. 153-1557).
23. Степанов Н.Л. Проза Пушкина. – М., 1962.
24. Томашевский Б.В. Историзм Пушкина // Томашевский Б.В. Пушкин, Работы разных лет. – М.: Книга, 1990. – с. 130-178.
25. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. – М.: Наука, 1969.
26. Флоринский С.М. Русская литература. Учебное пособие для средней школы. – М.: просвещение, 1970. – с. 164-177.
27. Фохт У. Пути русского реализма. – М., 1963.-с. 88-147 (о прозе Пушкина).
28. А.П.Чехов в воспоминаниях современников. – М.: Гослитиздат, 1960.
29. Энциклопедический словарь юного литературоведа. – М.: педагогика, 1988. – с. 115-120 («Композиция»).

30. Юлдашев Н.Б. Изучение принципов изображения человека в прозе А.С.Пушкина (из опыта чтения спецкурса по проблемам художественного психологизма в русской литературе первой половины XIX века // Проблема характера в литературе. Тезисы докладов. – ч. III. Челябинск. 1990. – с. 107 – 108.